

A giraffe with a brown and white spotted pattern stands in a green savanna. The background shows a blue sky with light clouds and a distant horizon with some trees and a body of water.

# Танзанийские ХРОНИКИ

Страна укутанного облаками Килиманджаро, полосатых зебр и длинношеих жирафов, лазурного моря и ароматных специй Занзибара пока мало освоена нашими путешественниками. И тем интереснее быть ее исследователем.

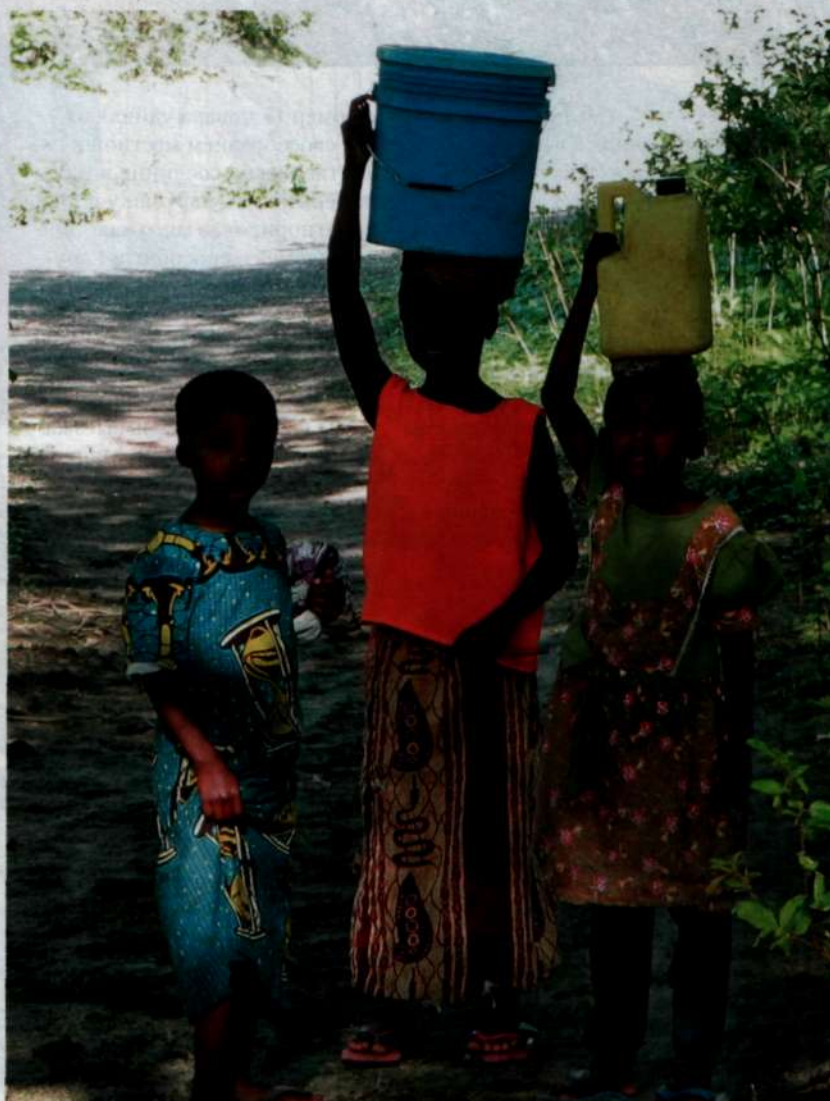
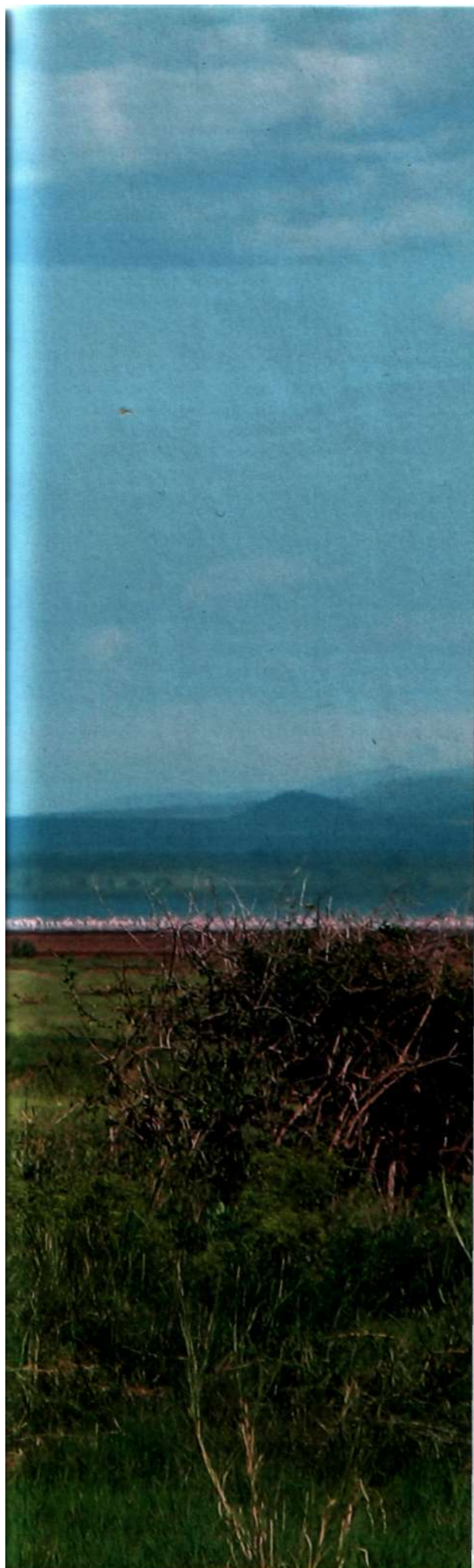
**Т**олько во время многочасового перелета над бескрайней Сахарой далекая Африка становится явью, и ты понимаешь — она действительно существует! Изогнутое пятно на карте мира предстает в иллюминаторе царством песка, где пейзаж оживляет лишь пятнистая тень парящих облаков.

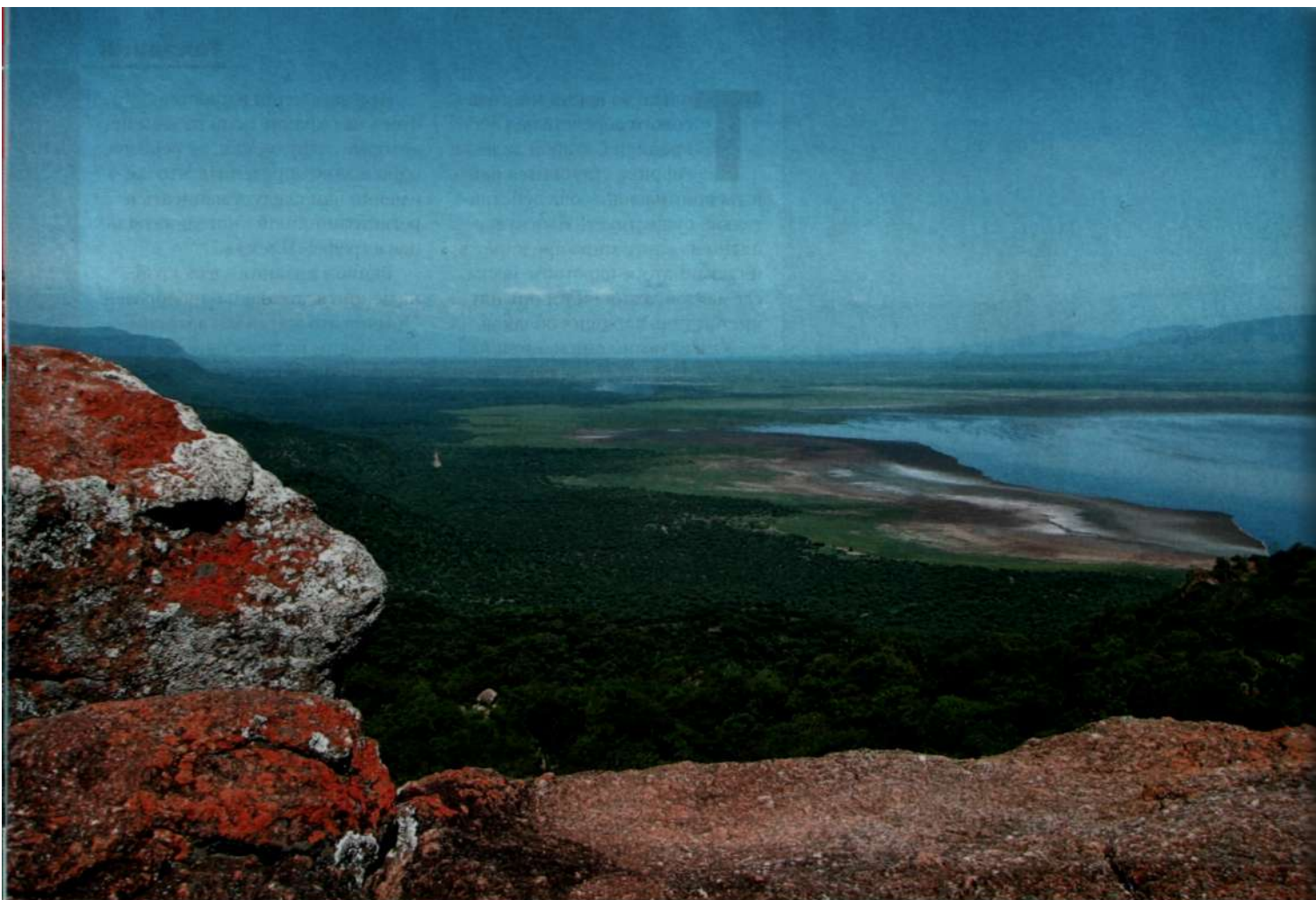
Уже затемно снижаемся над Дар-эс-Саламом — самым крупным городом Танзании, ее бывшей столицей. По сравнению с залитой светом ночной Москвой здешнее освещение весьма скудно, с тьмой борются лишь одинокие огоньки фонарей. Впечатление еще усиливается во время поездки по городским кварталам. В кромешной мгле мелькают расставленные вдоль дороги столы с горящими свечами, окруженные выступающими из темноты и почти сливающимися с ней лицами. Очень похоже на массовый романтический ужин, но на самом деле — ночная торговля ходовыми товарами.

При заселении в простенький отель на окраине испытываем некоторые затруднения, не решаясь однозначно определить, что же именно нам следует написать в регистрационной книге постояльцев в графе «Племя»...

Рацион питания здесь крайне непритязателен и однообразен. Обычно это жареная картошка с небольшим количеством мяса и овощей. Постепенно понимаешь, что еда в Танзании — необходимость, а не удовольствие, кулинарные изыски остались на другом континенте.

Утром уезжаем на север страны, к озеру Маньяра. На коротких остановках пытаемся фотографировать колоритных местных жителей, однако они совсем не желают поддержать наш творческий порыв и возмущенно выражают свое недовольство на суахили, неожиданно весьма созвучном русскому. Дело в том, что, по местным поверьям, при фотографировании уходит часть души, поэтому подобные опасные мероприятия многих танзанийцев





очень сердят, а малышей вынуждают поспешно скрываться. Хотя иногда детское любопытство все же пересиливает, и ребяшня смущенно улыбается в объектив.

Африканские лица поражают необычной и выразительной красотой, которую очень хочется запечатлеть, и потому такое недоверие к фототехнике весьма удручает. Но не останавливает, и мы волей-неволей осваиваем приемы матерых папарацци.

Наш автобус проезжает деревеньки, где жители, собравшись в кучки по несколько человек, сидят на завалинках и молча глядят в никуда. До вечера далеко, но никто не работает, все сидят во дворе, расслабленно тая на удрушающей жаре. Средняя зарплата в Танзании составляет 20–30 долл. в месяц, и, как видно, такое скромное вознаграждение не способно стимулировать хоть какую-то активность населения.

Покрытые толстым слоем красной пыли, к вечеру прибываем в Карату — заштатный городок африканской глубинки. В «первоклассном» ресторане с говорящим названием

«Номер 1» повара удивляют нас своеобразием местной кухни, творчески соединив в тарелке вермишель, картошку и рис и проигнорировав мясо как лишний элемент, способный нарушить гармонию гарнира. Но местное дружелюбие не знает границ, и вскоре мы уже привычно отвечаем: «Джамбо!» — на приветствие каждого встречного.

На следующий день выезжаем в окрестности озера Маньяра и, побродив по колючим зарослям, забираемся на скалу. С высоты открывается изумительный вид, на водной глади можно различить неясную нежно-розовую полоску — это фламинго. Карабкаясь по огромным валунам высохшего русла реки, выходим к гиеновым пещерам. Внутрь лезть не очень-то хочется, прежде всего из-за запаха. Уже темнеет, и наши проводники начинают нервничать, переговариваясь о бродящих по ночам симба (так здесь называют львов). Однако пока удается увидеть только играющих на деревьях обезьян, а еще огромного зеленого богомола, обнаруженного в гостевом доме,

**Далекая Африка становится явью, и ты понимаешь — она действительно существует!**

куда мы все же добрались. Представитель мира насекомых оказался общительным и под дружные вопли всей компании проскакал по каждому из нас. Сбежав от него к ночному костру, любуемся сверкающим звездным небом южного полушария...

Наутро выслеживание симбы продолжается — нас ждет сафари в национальном парке Маньяра! Грациозно-смешные жирафы, флегматично жующие листья акации; резво скачущие обезьяны; слоны, ломящиеся через заросли; блестящие мокрые бегемоты; зебры, покрытые, словно корицей, красной пылью, — такие картины не могут никого оставить равнодушным. И как невероятно видеть это многообразие жизни своими глазами на расстоянии десятка метров, не слыша привычного голоса Николая Дроздова за кадром!

Колесим по всему парку, высматривая животных, и, заметив любое движение, мгновенно выставляем в окна множество объективов. «Фотомодели» на это практически не реагируют, воспринимая нас как назой-

ливый, но уже привычный элемент пейзажа. Нам удалось запечатлеть венценосного журавля, марабу, птицу-носорога, антилоп импала, бородавочников, крошечного большеглазого олененка дик-дика и целую армию марширующих по дороге бабуинов. Мы даже видели термитов и воздвигнутый ими огромный дворец-термитник, но неуловимый симба от нас вновь скрылся. Ну что ж, по возвращении в Карату находим утешение в жизнерадостных танцах с масаи под ритмичную музыку барабанов.

Когда, перебравшись в окрестности озера Эяси, мы направляемся к деревне, наш предводитель наклоняется попить из ручейка, текущего неподалеку. Часть московских соплеменников радостно следуют его примеру, другие — презрительно фыркают рядом. Надо сказать, что наш отряд с самого начала разделили два непримиримых лагеря — упертых «дезинфектантов», нервно протирающих спиртовыми салфетками все, начиная от столовых приборов и заканчивая свежим кокосом, и отважных дегустаторов, с готовнос-

тью тестирующих воду в ручьях и предлагаемые местным населением напитки собственного весьма сомнительного изготовления. Яркий представитель «стерильного» лагеря, я все же вынуждена признать — выжили и те, и другие. Одни — извезда несколько сотен спиртовых салфеток, другие — столько же нервных клеток любителей чистоты. Однако учитывая, что средняя продолжительность жизни местного населения 35 лет, а смертность от многочисленных болезней имеет массовый характер, приверженность к дезинфекции не выглядит таким уж чудачеством...

Тем временем, пройдя большую деревню из глиняных хижин, выходим к обиталищу даатога. У женщин этого племени в мочках ушей большие круглые дырки. Ради соответствия столь странному канону привлекательности они с раннего возраста носят тяжелые серьги. Их лица очень интересные, даже красивые, а круговая татуировка, которую прелестницам наносят в детстве, придает им особое своеобразие. Наивный восторг у коротко стри-

женных девчушек вызывают мои длинные светлые волосы, которые одна из них старательно пытается пристроить к своей голове.

На удивление просто здесь решают вопрос поиска спутниц жизни — в ходу прямая арифметическая зависимость между количеством коров и числом жен. Старшая супруга руководит младшими и в случае возникновения конфликтов может созвать «совет старейшин», который быстро вразумляет непокорную.

Даатога затевают танцы, и мы, цепко схваченные за руки, поневоле к ним присоединяемся. Честно говоря, местные пляски больше похожи на прыжки «зайчиков» в детском саду. Под монотонные завывания девушки высоко подскакивают на одном месте напротив закутанных в разноцветные пледы и тоже подпрыгивающих мужчин. У нас ввиду отсутствия необходимой спортивной подготовки сил хватает ненадолго.

На следующий день единение с племенами продолжается — отправляемся на утреннюю охоту с ватиндигу. На добычу, правда,

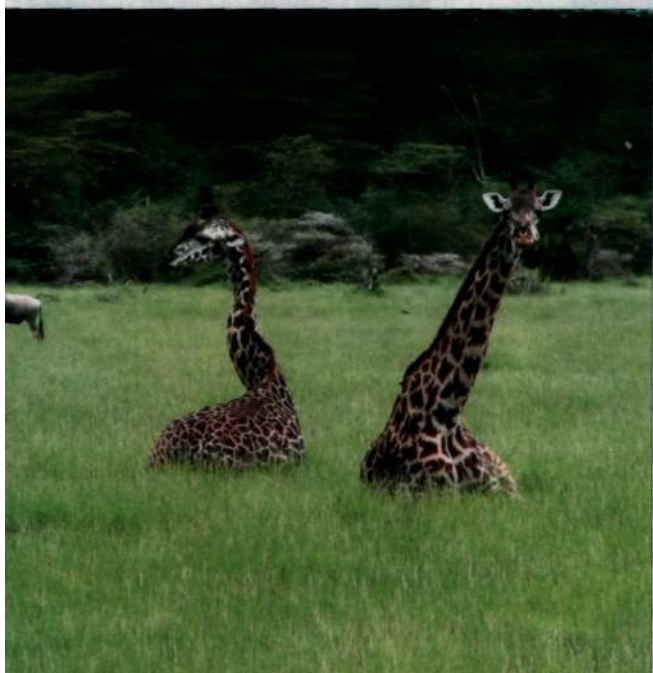
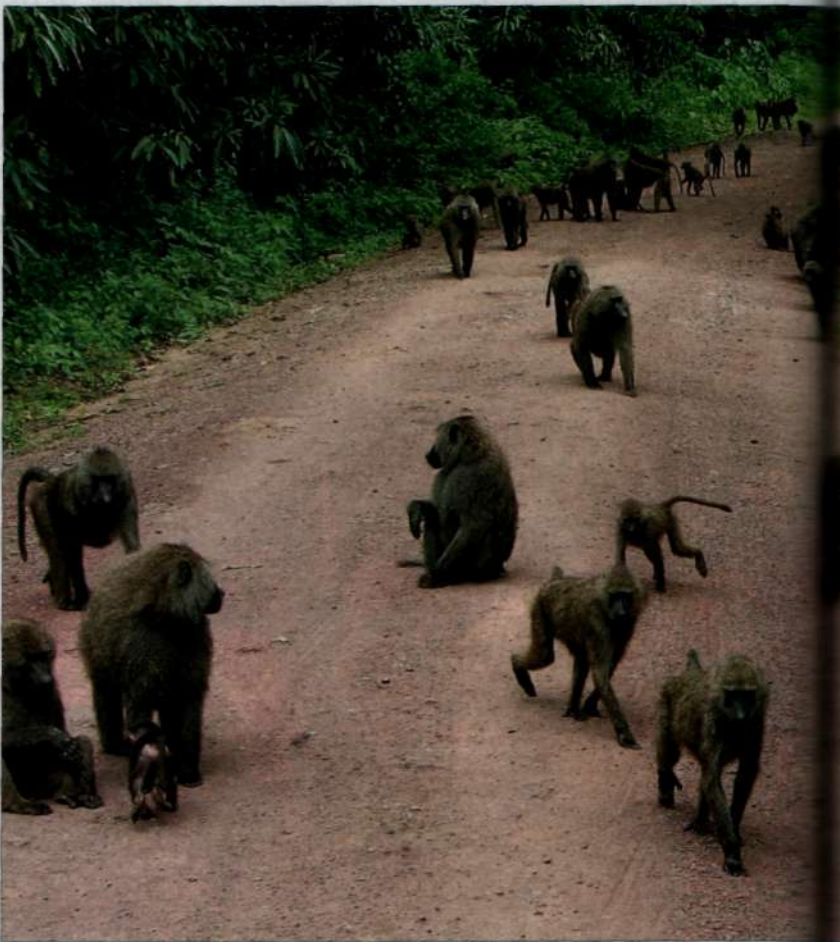
**На коротких остановках пытаемся фотографировать колоритных местных жителей, однако они не желают поддержать наш творческий порыв.**



никто особо не рассчитывает. Мы предусмотрительно подкрепляемся завтраком, а нашим проводникам, уже раскурившим свернутые листы с марихуаной, результат, похоже, вообще не важен. Но даже в таком расслабленном состоянии воины все же бегут очень резво, по пути утоляя жажду водой из мутной лужи.

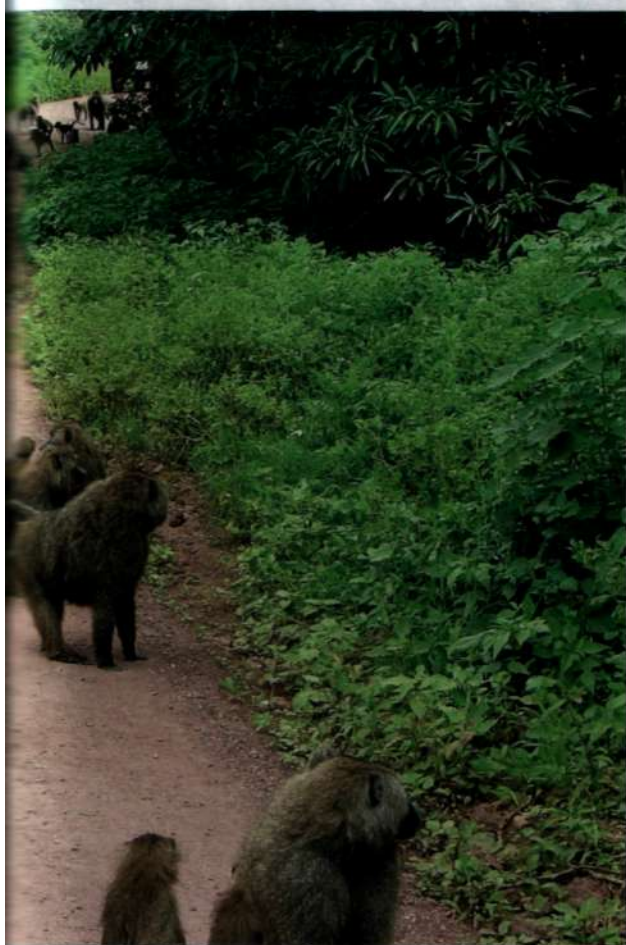
Несясь в хорошем темпе, мы распугиваем всю живность на километры вокруг, однако, несмотря на наш топот, аборигенам удается выследить небольшого зверька размером с белку. На несчастного тут же хищно натягивают луки все ловчие сразу, но малыш не промах — мгновенно исчезает в кроне дерева. Забег продолжается, однако результатов, если не считать укрепление физической формы, он не дает.

**Нам удалось запечатлеть целую армию марширующих по дороге бабуинов.**



Поскольку фауна Танзании в этот день не пострадала, нам были продемонстрированы более мирные способы добычи еды. Воины находят растения со съедобными корнями и, выдергивая из земли аппетитно-землистые клубни, предлагают их продегустировать.

По возвращении к тростниковым хижинам, где живут ватиндигу, мы на радость племени пытаемся освоить стрельбу из лука. Увлеченные процессом и пожелавшие продолжить практику на родине приобретают луки со стрелами, которым предстоит



стать объектом особого внимания службы безопасности на пароме и самолетах.

Надо сказать, что ватиндигу, до сих пор живущие в примитивных условиях каменного века, обнаруживают завидные предпринимательские способности.

Внезапно навесив на нас свои украшения, они умело используют эффект неожиданности, и вот мы уже меняем танзанийские шиллинги на браслеты из игл дикобразов. Станцевав местную разновидность хораода, племя наконец отпускает нас восвояси, вытребовав напоследок пару жертвенных бейсболок.

Следующий день начинается с поучительного визита на змеиную ферму, где перед пешей прогулкой по национальному парку Аруша мы узнаем, как быстро и мучительно умирают покусанные жертвы. Красочные прозвища Змея Десяти Шагов или Змея Одной Сигареты поражают воображение и немало умеряют стремление разгуливать по запоевным местам. Деморализованные видом змей, мы в сопровождении вооруженного рейнджера бредем по изумрудной равнине к стаду буйволов. Но дистанцию держим, логично рассудив, что буйволов много, а защитник у нас один, и решаем приблизить объект средствами фотокамер.

На склоне холма лениво объедают акации два жирафа. Заприметив длинноногих, мы мгновенно забываем про ужасных змей и ломимся через заросли к пятнистым красавцам.

Проснувшееся солнце освещает склоны Килиманджаро, укутанного в пушистые облака. Мы бродим по деревушке, рассеянной среди банановой плантации на склонах великой горы. Навстречу

попадают местные жительницы с ведрами и огромными связками зеленых бананов, виртуозно транспортируемых на голове. Позади слышен топот детских ножек, и в то же мгновение нас догоняют местные малыши. Доверчиво вложив ладошки в наши руки, они радостно семят по деревне.

Выходим к узкой подземной пещере, в которой около 200 лет назад прятались люди племени чага, скрываясь от масаи, в милом простодушии полагававших, что все коровы мира являются их собственностью. Они были вполне согласны «арендовать» их другим народам за соответствующее вознаграждение, а тех, кто не разделял данной концепции, ждала жестокая война. Чага, несогласные с такой постановкой вопроса, рыли длинные подземные ходы с крохотными комнатками, где сидели по несколько недель, пока масаи не удалялись.

Вернувшись в Дар-эс-Салам, или Дар, как здесь его называют, некоторое время бродим по рыночному рынку и окрестным улицам, и по простештвни получаса считаем свой долг осмотра города выполненным.

Белоснежный паром доставляет нас на Зазибар — знаменитый «остров специй», знакомый еще из детских сказок про доктора Айболита. И хотя там, помнится, советовали: «Не ходите, дети, в Африку гулять...», — но что поделаешь, если предупреждения нас не убедили. Плутая по узким улочкам Стоун-Тауна с белыми, но при этом умудряющимися выглядеть ободранными домами, выходим к шумящему океану. На самом берегу — ресторан, названный в честь Фредди Меркьюри, легендарного солиста группы Queen и уроженца здешних мест.

Под открытой верандой слышен сонный шум волн, в угасающем небе ярко загораются первые звезды, на столах — мерцающее пламя свечей... Впервые за десять африканских дней наступает безмятежное чувство полного расслабления, когда больше не надо нервно протирать салфетками ножи и вилки, думать, хорошо ли вымыты фрукты, из чистой ли воды сделан лед в твоем стакане... Едим вкусные креветки с чудесным белым вином под убаюкивающим шум Индийского океана...

Вечернюю идиллию звездного неба и шума прибоя нарушает только наше присутствие на моей соломяной хижине полчища муравьев, штурмующих столик, и неосторожно политый фантой. Африка учит терпимости, и я смиряюсь со стихийным зверинцем, выношу напоследок из домика гигантскую улитку и засыпаю.

А утром мы попадаем в сказку белоснежного кораллового песка и бирюзовой, чуть отливающей светлым изумрудом воды. На пляже прибрежного ресторана висят гамаки, стоят уютные плетеные диваны, и можно бесконечно сидеть, заворочено любясь невероятным цветом океана.

По пути на восточную сторону острова заезжаем на плантацию специй, где нам показывают корицу, ваниль, гвоздику, кориандр, имбирь, угощают добытыми с пальмы кокосами и ароматными чаями с различными добавками. Приехав на ланч в дом местных жителей, обнаруживаем тарелки и стаканы, расставленные прямо на полу. Поскольку принято есть именно так, рассаживаемся одним большим племенем вок-

**Нам удалось рассмотреть редких обезьянок, водящихся только на Занзибаре, — красных колобусов.**



руг импровизированного стола. Картошка в соусе, рис, трава касаса, куски мяса в больших мисках — простая домашняя еда оказалась самым вкусным обедом нашего путешествия, приятно отличающаяся от однотишных ресторанных блюд материковой части.

Теперь нас ждут занзибарские джунгли — лес Джозани, где проводники рассказывают про питонов, живущих в делях парка и способных стремительно набрасываться на жертву. Но то ли наш гид был наделен богатой фантазией, то ли страшный змей отдыхал после очередной трапезы — питона мы так и не встретили. Зато совсем близко удалось рассмотреть редких обезьянок, водящихся только на Занзибаре, — красных колобусов. С забавными мордочками, выражающими множество обезьяньих эмоций, они резвились на расстоянии вытянутой руки от нас, не обращая внимания на шелканье затворов наших фотоаппаратов.

В живописных бунгало среди пальм и ярко цветущих гибискусов встречаем теплый вечер на берегу Индийского океана... В ресторане, без столь привыч-

ных в Танзании вынужденных как вычек этого слова, поедаем умопомрачительно вкусные креветки, приносящие расслабленное умиротворение...

Утром разглядываем удивительную литораль, расстилающуюся на сотни метров перед нашими домиками. При отливе океан здесь уходит на целый километр, оставляя у берега лишь метровый слой лазурной воды. В угловой лодочке под хищно изогнутым парусом мы скользим вдоль грядок водорослей, выращиваемых на водных плантациях. Бредем по литорали, любуясь яркими морскими звездами прямо у нас под ногами, толстой рыбой в мелкий горошек, разноцветными губками, хорошо различимыми в хрустально прозрачной воде. Переезжая чуть дальше, плаваем с масками среди совершенно другого, обычно скрытого от нас, удивительного мира ярких рыб, игольчатых морских ежей и причудливо изогнутых кораллов...

Гастрономический день проходит в схватках с официантами, несущими потрясающе вкусные заказы по полтора часа, руководствуясь

местной философией «поле-поле, акуна матата», что в приблизительном толковании означает «не торопись, не шуми, все будет, но не сразу». Но как-то уж слишком «не сразу», и мы делаем ход конем: уходя с завтрака, заказываем ужин. Почти сработало: час ожидания — и огромные лобстеры уже перед нами.

Возвратившись в Стоун-Таун, вновь пускаемся в путешествие по обшарпанному улочкам. Очарование живописных руин — так можно охарактеризовать исторический центр города. Дома здесь вполне способны послужить декорациями для съемок последствий налета вражеской авиации. То и дело попадаются лишь частично уцелевшие здания, у которых словно отрезали ненужную часть, превратив дом в потрепанную модель гигантского кукольного домика. Посреди переплетенных улиц возвышаются высокие пирамиды круглых камней — красноречивое свидетельство того, что город справедливо назван Каменным.

Тягостное впечатление производит бывший невольничий рынок. Долгое время Занзибар был центром работорговли, исправно

поставляя живой товар в Америку. Крохотные камеры, где перед продажей содержали десятки несчастных, и возведенный на месте аукциона собор — вот все, что сейчас напоминает об этой позорной странице истории. Рядом с храмом стоят поникшие каменные фигуры, скованные тяжелыми цепями...

Скоростной паром в Дар, дорога в аэропорт — и мы возвращаемся туда, где носят костюмы, работают на компьютерах, видят снег, доверяют посуде в ресторанах, но где никогда не встретишь на улицах жизнерадостной улыбки встречного и солнечного «Джамбо!»...

Обобщая африканские впечатления, можно сказать, что вопрос «Понравилось ли?» в данном случае вызывает серьезные затруднения — настолько не подходят здесь типовые ответы. Слишком уж настоящая Африка не вписывается в привычные рамки представлений о путешествиях — она другая. Жаркая, многогранная, удивляющая. Незабываемая.

Т.О

Екатерина НОСИК  
Фото автора

**Настоящая Африка не вписывается в привычные рамки представлений о путешествиях — она другая.**

